

КІ 1136152

НАШИ ВЫДАЮЩИЕСЯ
ЗЕМЛЯКИ

К. КОНИЧЕВ

ПОГРАНИЧНИК
АНДРЕЙ
КОРОБИЦЫН

ВОЛОГДА - 1951

~~837472~~

НАШИ ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗЕМЛЯКИ

К. КОНИЧЕВ

ПОГРАНИЧНИК
АНДРЕЙ
КОРОБИЦЫН

53419

КТ 1136152

ДЕРЖАВНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА
ІМ. КОРОДЕНЦЯ ХАРКІВ
№ 83742
19

Вологодское областное
издательство
1 9 5 1

Вологодская
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

+ Кр + КМи

Редактор *В. М. Малков.*
Техредактор *А. А. Веселовская.*

ГЕ04366. Сдано в набор 2/II-51 г. Подписано к печати 17/V-51 г.
Бумага 70 × 108¹/₃₂. Печ. л. 4. Уч. изд. 2,6.
Тираж 5000. Цена 2 руб. Заказ 552.

Областная типография «Красный Север», Вологда.

ВСТУПЛЕНИЕ

В деревне Куракине, отстоящей почти на сто километров от железной дороги, в Сямженском районе Вологодской области, родился и провёл юношеские годы герой-пограничник Андрей Коробицын. Укрупнённый колхоз в Коробицынском сельсовете с честью оправдывает присвоенное ему имя выдающегося земляка. Год от года умножается богатство артельного хозяйства. Куракинские крестьяне, в прошлом влачившие полуголодное существование, теперь живут зажиточно и культурно.

Нелёгким и безрадостным был короткий жизненный путь деревенского парня, ставшего пограничником и героически погибшего на боевом посту в неравной схватке с диверсантами-террористами.

С тех пор прошло почти двадцать пять лет, но имя и геройский подвиг нашего земляка Андрея Коробицына не забыты. На самых дальних заставах знают о нём и бывалые чекисты, и молодые рядовые бойцы.

Славные советские пограничники, беззаветно преданные делу партии Ленина—Сталина, воспитанные на боевых традициях старших товарищей, таких, как Андрей Коробицын, зорко и бдительно охраняют покой и безопасность священных границ нашей великой социалистической Родины.

1. В СЕМЬЕ БЕДНЯКА

— Всё-таки скажи мне, Степаша, когда же ты перестанешь детей рожать? — не очень ласково спросил Иван Коробицын свою жену Степаниду Семёновну, и вопрос его был вполне уместен: годы у Степаниды повернули на пятый десяток, а нужда в семье такая, что Иван часто подумывал, как бы от голода не умереть.

Степанида Семёновна, родившая крепкого малыша, ответила успокоительно:

— Последнего, Иван, последнего... Больше никак не рожу, куда их нам под старость...

Щупленький приходский попик рылся в стареньких святцах, долго не находил для младенца подходящего имени и, наконец, указывая на ребятишек, спросил Ивана:

— А этих как звать? Забыл я что-то...

— Того сорванца, что с голбца поглядывает, — Сашкой, ту вихрастую, непричёсанную, что за мать от тебя прячется, — Таисской...

— Ну, так давайте назовём этого...

— Выбери, батюшка, получше имечко, — перебила попа Степанида.

— Давайте Андреем — в честь «первозванного», — предложил поп и добавил: — а за крестины с вас, мои благодетели, один рублик.

Рубля у Ивана Коробицына не оказалось. Да и заработка никакого в ближайшее время пока ему не предвиделось.

— Вот что, батюшка, — сказал он попу: — может повременим крестить дитё? Или потом отработаю я тебе за крестины? Против Андрея я не перечу, так и назовём, только рубля у меня сейчас нет. Прорех много, никак, батюшка, рубли в моих карманах не держатся.

Попик был покладистый, — брал деньгами и натурой. Договорился, что, поправившись после родов, измолотит ему Степанида три овина ячменя за крестины новорождённого, а Ивану попутно напомнил, что должен тот приехать на сутки пахать поповскую землю за то, что в прошлом году не говел и не приходил на исповедь.

«Откуда это он, чорт волосатый, помнит, что не был я на исповеди?» — подумал Иван, а поп, словно угадав его мысли, сказал строго:

— Уж если я, пастырь духовный, не буду о вас грешных заботиться, то на кого же вам надежду иметь? На то и священники, чтобы души людские в великий пост от грехов очищать...

Окна в избёнке Ивана Коробицына были вровень с землёй. Только смазные сапоги да полы подрясника уходившего попа и были видны сквозь тусклые стёкла окна. Когда батя шёл вдоль беспорядочно раскинутой и длинной деревни Куракино, осторожные домохозяева с трудом сдерживали лохматых лаек, готовых броситься за ним и провожать хоть до самого погоста. Всё же для безопасности поп вытащил из перегороды суковатый вересовый колышек и, подпираясь им, с оглядкой отправился домой, заунывно мурлыча какой-то псалом...

Северная деревенская осень. На пустошах обнажился ивняк. Хлеб с полей давно собрали в скирды. По утрам, в заморозки, молотили на гумнах сушёные снопы. Дули знобкие ветра. За околицами сямженских дере-

вень мельницы-шатровки и столбянки день и ночь махали крыльями. Стучали пёстами толчеи. В холодные утренники на отаве белел густой иней, днём он таял, прибавляя грязи на просёлочных дорогах и непролазных деревенских улицах.

У Ивана Коробицына на крохотных полосках, узких и неудобренных, уродилось в тот год хлебушка столько, что можно было за один раз подмышкой унести его в пустую клеть. Голод стучался в дверь Ивановой избы с самой осени. Заработков поблизости никаких, а семья прибавилась ещё на одного человека. К тому же здоровье Ивана от тяжёлых работ по найму сильно пошатнулось, и сейчас было ему о чём горевать. Горевала и Степанида. Невесело поглядывали на жизнь и Сашка с Таиськой.

Один лишь новорождённый Андрюшка, краснолицый, курносый, закутанный в серую холщёвую пелёнку, лежал в самодельной из осиновых дранок зыбке, подвешенной к воронцу, и с присвистом посасывал ржаную жвачку, завёрнутую в тряпочку.

После крепких заморозков, сковавших болота и реки, выпал первый снег, ровный и мягкий.

Иван наладил розвальни; к деревянным полозьям прибил вместо шин ржавые обручи от старой бочки. Свил крепкие, из тонкой черёмухи, завёртки, починил хомут, закропал валенки и собрался, вместе с дочкой Таиськой, ехать на своей куцой лошадёнке по миру.

— Куда, отец, в какие края и надолго ли? — участливо и печально спросила Степанида. Она оставалась дома с малым ребёнком, а в помощь ей — десятилетний старший сынок Сашка, босоногий, красноголовый, как рыжик.

— Да вот, не знаю, куда и податься, — хмуро ответил Иван. — Если на Сямжу или в Кумзеро направиться, там деревни частые, зато народ шибко скупой. По-

жалуй, лучше будет в Кокшеньгу поехать, там деревни одна от другой подальше, зато сторона хлебная. Меньше фунта нищим не подают...

Приезжал Иван в дальние деревни. Ставил где-нибудь под навесом свою тощую и кудлатую клячу, давал ей корму, а сам, прихрамывая, с корзиной обходил все избы; следом за ним шла с сумой дочурка Таиська, закутанная в тряпье.

Их не удерживали ни вьюги, ни морозы. Уныло покачивая головой, тащилась от деревни к деревне Иванова лошадёнка. В розвальнях Таиська зарывалась в сено; из-под сена и тряпья чуть-чуть выглядывало раздумянное на морозе личико. Отец же в кропаных ватных шароварах, в овчинном полушубке сидел на облучке и, посвистывая, махал толстым верёвочным кнутом. На клячу это не действовало, но Ивану казалось, что с кнутом ездить веселей, по крайней мере, помахивая им, согреться можно. Лошадёнка досталась Ивану довольно пожилая. Заработал он её пять лет назад у сямженского перекупщика, и тогда цыгане оценили эту конягу в семнадцать рублей! Но кляча пока ещё оправдывала своё существование. Пешком по зимним занесённым снегом дорогам Ивану с Таиськой ходить было бы никак не под силу.

Степанида бедствовала.

Сашка покачивал в зыбке братишку Андрюшку и напевал колыбельную, которую перенял он от матери:

Баюшки-бай-бай —
Спи, Андрюша, усыпай,
Да поскорее вырастай.
В лес с корзиною пойдёшь,
Много ягод наберёшь.
Баюшки-бай-бай,
Да покрепче усыпай...

Степаниде Семёновне по дому хватало дела: то дровишек наколет, то снег около дверей разметёт, а поздним вечером, — впотьмах или при лучине — всё равно, — садилась на холодный пол, крутила деревянный жёрнов, молола овсяную крупу на кашу детям.

Иногда к Степаниде заглядывали словоохотливые куракинские соседки, и о чём только они не говорили: и о дьяконе, тайком похаживающем к просвирне, и о молодухках-невестках, несмышлённых в домашних обрядах и стряпне, и о звезде хвостатой, пролетевшей над Чижовой пустошью на той неделе в субботу. Много толковали о солдатах, воюющих с нехристями-японцами где-то на самом краю света и неизвестно за что. И какие эти японцы с лица и росту какого, и двоеглазые они или одноглазые, и какому богу молятся, — всё обсудят бабы, всё выскажут, по-своему достоверно и досконально и, удовлетворённые долгой беседой, разойдутся по своим избам мирно, а иногда и поругавшись.

«Из миру» возвратился Иван Коробицын не с пустыми руками: насушил он сухарей пудов пять и поездкой по сытой, хлебобродной Кокшеньге был весьма доволен.

Правда, Таиську он привёз сильно простуженную, так что она, бедненькая, до самой весны отлёживалась на печи, но кое-как поправилась.

Часто подходил Иван к зыбке, шекотал толстокожим пальцем подбородок Андрюши, тряс над ним всклокоченной бородёнкой и прищёлкивал языком. Ребёнок бессмысленно разводил ручонками и на ласку отца изредка беззвучно усмехался.

... На чёрном хлебе с водой, на мирских милостынях, на картошке с капустой и луком дотянул кое-как Андрюша до восьми лет. Иван решил обучить его грамоте. Приведя сына в школу, сказал учителю:

— Станет худо учиться, говори мне, вицею постегать

я всегда непрочь. Вичка — она ребра не перешибёт, а ума-разума даст...

Но худо ли, хорошо ли учились крестьянские дети, учитель никогда родителям на них не жаловался, сам лишь иногда бивал учеников за провинности линейкой.

Учиться надо было три года. Обычно в школе бывало первогодников двадцать, второгодников оставалось десять, и на третий год — учеников пять...

Андрюша старательно пыхтел над букварём в школе и дома. Через месяц он знал всю азбуку и стал читать по складам. А спустя полгода учение его прекратилось.

В холодную, с проголодью, зиму, когда Андрюше пошёл девятый год, от тяжёлой надсады и болезни умер его отец.

Шесть десятков лет прожил Иван Коробицын и ни от кого за всю свою жизнь не слыхивал, чтобы его по имени и отчеству назвали. Работал он с малолетства и на хозяев, и на себя, работал изо всех сил, но из нищеты выбраться так и не смог. Жил скудно и незаметно, умер тихо, будто и не жил на свете.

Оставив дверь в избу незапертой, без замка, с ухватом в скобе, Степанида вместе с детьми рано утром провожала покойника на кладбище. Немногие из соседей шли за гробом. Сашка, старший сын, вёл за повод взятую у соседа лошадь (своей у них в то время не было). Шёл Сашка и сосредоточенно обдумывал своё житьё-бытьё. Теперь хозяйская забота на него камнем навалилась. На старуху-мать плохая надежда: того и гляди вслед за отцом отправится. Невесёлые у Сашки думы, а слёз нет. Глядя на старшего брата, не плачут об умершем отце ни Таисья, ни Андрюша. Лишь Степанида, идя позади саней, всхлипывает и крестится...

Похоронив мужа, Степанида купила два фунта дешёвых пряников-сусленников и, раздавая соседским ребяташкам, говорила:

— Славные вы ребята, ваши души безгрешные, ваши молитвы до бога доходчивые; помяните добрым словом Андрюшина тятьку...

Не знали ребята, как надо покойника поминать. Они охотно брали из рук Степаниды гостинцы и молча их съедали. Один лишь Колька, сын сапожника Алёши Шадрина, прожевал пряник, облизнулся и сказал:

— Вот бог даст — умрёт мой тятка, наша мама тоже пряников купит, приходи тогда к нам, Андрюшка...

Но Колькин тятка был ещё крепкий, насквозь пропитанный дёгтем сапожник и никак не подавал надежд на скорые поминки с пряниками.

Однажды, вскоре после смерти отца, Сашка пришёл к сапожнику Шадрину и сказал, что они с матерью намерены отдать к нему Андрюшу в ученики на целых четыре года; оплаты никакой — за одни лишь хозяйские харчи.

Жаль было Андрюше расставаться со школой, да что поделаешь: ремесло важнее, к тому же — харчи готовые..

2. ЛЕТОМ СЕМНАДЦАТОГО

Сашку взяли в солдаты, угнали на войну. Андрюша сапожничал у Шадрина. Четыре года перенимал он сапожное ремесло. Не туго оно Андрюше давалось. Ничего мудрёного он в сапожном деле не видел, но зато хозяина своего в хитрости подозревал.

Сапожник Алёша Шадрин всю жизнь измышлял, как бы ему разбогатеть, но от одних дум богатым не станешь. Сам он работал слишком много, ребят на работе тоже не жалел. Правда, своего сына Кольку он заставлял работать чуть поменьше, Андрюшку — побольше: чужой, так что ж его и беречь.

Доверял сапожник Андрюше ремонт старой обуви.

Ещё давал ему тачать швы на голенищах, строчить задники да изредка прибивать к новым сапогам деревянными гвоздями подошвы; не спешил Шадрин готовить из него сапожного мастера: станет Андрюша в работе самостоятельным, так меньше в деревне будет заработка ему, Шадрину.

Андрюша понял, в чём дело, и как-то сказал хозяину:

— Дядя Алексей, ты не хитри, а взялся меня обучать ремеслу, так обучай как следует. Век твоим подмастерьем я быть не хочу. Тачка-строчка да и починка мне надоели. Надо попробовать шить новые сапоги от начала до конца.

— Что ж, шей. Ну, шей новые, испортишь — я заставлю отработать за порченный материал, — с угрозой согласился Шадрин и бросил Андрюше новые кожаные выкройки, пахнувшие дёгтем.

Два дня и два вечера сидел над парой сапог Андрюша и так их сработал, что Шадрин руками развёл и рот разинул от изумления:

— Не худо! Не сапоги, а игрушечки!.. Мой бы Колька этак-то!..

Колька, завидуя, сначала косо поглядывал на Андрюшу, но видя, что парень не кичится своим умением, ещё крепче с ним подружился.

Было им тогда лишь по тринадцати лет. В будни они работали, в воскресные дни вместе гуляли-резвились.

В то памятное лето Россия избавилась от царя. Много солдат приезжало с войны на побывку в сямженские деревни, и такие вести привозили они, что у мужиков дух захватывало. Подавленная вековой нуждой, несправием и бескультурьем, быстро стала пробуждаться деревня.

Приехал в то лето из армии в Куракино кулацкий сынок Васька Балаганцев; погоны со звёздочкой, сапоги

модные, офицерские, широконосые, с рантом и с пряжками на голенищах.

Бахвалился Васька звонкими начищенными медалями, курил длинную трубку, голову задирает высоко, надменный и неприступный, ни с кем первый не здоровался.

Как-то на улице подошёл к нему сапожник Шадрин:

— Васильюшко, дозвожь мне с твоих сапог фасон снять.

Засмеялся Балаганцев, выставив одну ногу вперёд, процедил сквозь зубы:

— Хм, старина, на вот, полюбуйся.. Отродясь тебе таких сапог не сделать, такого шеврового материала тебе за всю жизнь не приходилось портить. — И неожиданно спросил старика: — А знаешь ли ты, какой у меня чин?

Шадрин разогнулся, попятился. Хоть и сосед Васька, а чорт его знает, что он может выкинуть.

— В чинах я, Васильюшко, не разбираюсь, однако вижу: наряжен с ниточки, на плечах прибасы, на грудях побрякушки. Человек видать немаленький, да знаешь, — теперь ведь свобода. Нынче на наружность смотрят так себе; главное в человеке ум и понятие.. А твой чин будь хоть из семи овчин — какое нам дело.

— Свобода-то свобода, только не дуракам, — ответил презрительно Балаганцев и пошёл своей дорогой. Шадрин поглядел вслед на его затянутую ремнём фигуру, на блестящие сапоги, на светлые погоны и определил: «из мужиков, а плут-мерзавец!».

Вырос Балаганцев в кулацкой семье. Образование получил в Кадниковском городском училище. На военной службе умело козырял начальству, чётко стучал каблуком о каблук и достукался до фельдфебеля. А потом произведён был в прапорщики — доверили ему целую роту.

На войне Балаганцев отсидивался в блиндажах.

Пуль он боялся не столько немецких, сколько русских: случалось, солдаты «ненароком» убивали своих офицеров за зверское обращение с подчинёнными.

Из тыла присылались пополнения, множились могильные холмики с деревянными крестами, а Балаганцев, невесть за что, украшал свою грудь медалями и крестами.

Служили у него в роте двое куракинских ребят, Зуев и Вагин; они также приехали домой на побывку, но, встречаясь с Балаганцевым, называли его не «ваше благородие», а «волчьей шкурой».

В середине августа, в один из праздничных дней, Андрюша Коробицын играл с ребятами в бабки. Полный картуз бабок и козонков лежал у него в стороне на лужайке. Бил он метко и разом сшибал по несколько пар. Ребята, проигрывая, злились. Становилось неинтересно, и Андрюша стал выискивать предлог для выхода из игры. Его привлекли шум и крики в другом конце деревни, где собрались куракинские мужики и бабы.

Выбросив из шапки на луговину весь выигрыш, Андрюша крикнул ребятам: «Хватайте!» — и опрометью бросился к мужицкому сборищу. Народ тесно окружал двух военных, о чём-то серьёзно споривших. Один, щеголеватый, — Балаганцев. Другой, одетый попроще, в крепких солдатских ботинках с обмотками, с цифрой «I» и буквами «П.П.» на погонах. Этот незнакомый Андрюше солдат размахивал кулаками перед лицом Балаганцева. А Зуев и Вагин, тут же стоявшие, иногда к словам неизвестного солдата прибавляли оскорбительные для прапорщика замечания.

Андрюша шмыгнул в толпу мужиков и протискался в первые ряды.

Солдат наступал на Балаганцева:

— А я говорю, твой Керенский — прохвост, продажная душа. Затягивает войну в интересах англичан и аме-

риканцев. Тем выгодно наживаться на нашей солдатской крови; заморским хищникам хочется ограбить Россию...

— Ответишь за такие слова. Ответишь..., — хрипло шипел Балаганцев.

— Ой, запугал, ой, страшно! — засмеялся солдат и обратился к мужикам:

— Граждане! Я только что из Петрограда. И знаю, что там творится: рабочие не верят временному правительству; мы, солдаты, не хотим войны; мужикам нужна земля. А Керенский и его министры хотят ещё проливать нашу кровь. О земле одни только обещания, а войне не видно конца. Вышло так, что рабочие да крестьяне, одетые в солдатские шинели, сбросили царя, а власть подхватили буржуи. На днях в Петрограде войска, по приказу Керенского, расстреливали рабочих. Наш первый пулемётный полк, где я служу, выступил против англоамериканского ставленника Керенского и его правительства, но видно ещё рано мы выступили, не в согласье с другими полками. Нас разоружили казаки...

— Правильно и сделали, — злорадно вставил Балаганцев, — не суйте свой нос в дела временного правительства. Надо ждать учредительного собрания.

— Ещё вопрос, кто и когда соберётся учредить и что будут утверждать. Обман один, а не свобода!.. Где хлеб? Где земля? Где мир? Всё под пятой нового правительства. А мы говорим — долой его! Мы за советы рабочих, батрацких и крестьянских депутатов, мы за партию большевиков, за Ленина! — горячо и убедительно говорил солдат.

Солдат не выдержал, схватил прапорщика за плечо, и позолоченный погон хрустнул в его богатырской руке.

Прежде Андрюша Коробицын всегда с опаской и любопытством посматривал на Балаганцева; теперь же он внимательно слушал солдата и никак не мог понять, в

чём тут дело и кто из них прав, кто неправ. Но если дойдёт до драки, то, видимо, Балаганцеву не сдобровать, — недаром Зуев и Вагин, косясь на него, сжимают кулаки и о чём-то взволнованно говорят.

— Меньше бы петушились, а больше бы нам толком разъясняли, живём здесь в глуши и ничего-то не знаем, — слышался чей-то примиряющий голос.

Солдат выпустил Балаганцева; тот, поправив свой измятый погон, проворчал:

— За что меня, кадрового офицера, оскорбил? За что?

— Ха! Кадровая гнида, служака липовый! — хладнокровно заметил Зуев, а Вагин, злобно прищурившись на бывшего ротного, спросил:

— Скажи-ка, Васька, сколько ты солдат в нашей роте избил?

— Бил, ну и что? Таков порядок. На войне нельзя распускать вашего брата... — несвязно бормотал Балаганцев. — И кто солдат? Солдат — это мужик, а мужик, ведь, не привык жить без кнута.

Солдат, стоявший за большевиков, за Ленина, заговорил снова:

— Вы слышали, граждане, что он сейчас сказал? Мужик, дескать, без кнута шагу не сможет сделать!

— Слышали!..

— Знаем мы его, шкуру!..

Балаганцев украдкой взглянул на соседей, те смотрели на него с ненавистью. «Уходить отсюда, — подумал он, — вдогонку смех будет; здесь остаться — не миновать беды». И решил не спорить.

— Одно я скажу вам, граждане, — продолжал солдат спокойно и внушительно: — наш русский народ при царизме натерпелся немало бед. И теперь ещё буржуазное временное правительство хочет нас скрутить по рукам и ногам. Так этому, граждане, не бывать!

— Правильно! Свобода! — громко подхватили Зуев и Вагин.

— Долой кресты! Долой медали!

— Не в медалях дело, товарищи, — послышался опять твёрдый голос солдата. — Ленин что сказал нам с балкона на Кронверкском проспекте? Он сказал: «Временное правительство обманывает народ, значит надо прогнать всех министров, землю у помещиков отобрать и дать крестьянам столько, сколько они могут обработать, и кончить войну, а кончить её можно, лишь когда сбросим власть капиталистов...».

— Так когда же это? — послышался голос из толпы.

— Нам бы насчёт земли, скоро озимое сеять, а земля ещё не делена.

— Всю землю по едокам! — решительно посоветовал солдат.

— Ишь ты прыткий, — не вытерпел Балаганцев. — Нет такого закона! Ещё неизвестно, что скажет учредительное собрание.

— Не ждите, мужики, законов от «учредилки». Делите землю! Земля — трудовому крестьянству. Пашите, засевайте!..

— А кто же такой Ленин? — спросили мужики.

Солдат вытер шею платком, подумал немного:

— Ленин, как вам сказать, Ленин — наш человек. Он со своей партией показывает нам правильный путь. На казаках да на юнкерах Керенский недолго продержится... Вот помяните меня. Будет ещё революция, народ пойдёт за Лениным, за его партией..

Развенчанный, осрамлённый солдатом прапорщик ни у кого не вызывал сочувствия. Даже сапожник Шадрин, поглядев на него, промолвил:

— Давно ли я тебе, Васильюшко, говорил, что свобода — главное! Так оно и есть. Ну что ты против этого солдата скажешь? Правда — она сильней всего.

Люди стали неохотно расходиться по своим домам. Незнакомый солдат прошагал к колодезю, зачерпнул бадьёй холодной воды, напился, посмотрел на солнечный закат и, ни с кем не простившись, направился в сторону соседней деревни Рубцова.

Девки куракинские провожали его ласковыми взглядами; парни и мужики, расходясь, одобрительно о нём отзывались:

— Молодчина! Как он Ваську-то срезал!

— А чей же он такой?

— Может Зуев знает?

— Как не знать, — отозвался Зуев: — вместе с ним в поезде от Вологды до Харовской ехали, а от станции до Сямжи с ним пешие брели... Родом этот солдат не то из Бирякова, не то из Манылова, родных у него нет, так и ходит по деревням, с мужиками беседует. А по пути он даже разоружил двух урядников, одного в Усть-реке, другого на Семе, отобрал у них револьверы и шашки. А фамилия ему не то Бызов, не то Сизов.

Вот и всё, что мог рассказать Зуев об этом солдате-агитаторе, каких водилось в ту пору немало.

Андрюша с вечера долго не мог уснуть. Ворочался с боку на бок и смотрел сквозь щели сарая. Под ним шуршало свежее пахучее сено, покрытое рваной подстилкой. «Скоро мужики возьмутся за передел земли, — думал он. — Хоть бы к этому времени брат мой Сашка с войны вернулся. Да земли бы нам столько прибавили, чтобы хлеба на целый год хватало... Не всё же в работниках жить, не всегда же нам нищими быть...».

Уснул Андрюша перед самым утром.

Пастух бил колотушкой в доску, будил домохозяек, проиграл в берестяный рожок, сзывая коровье стадо в прогон за куракинскую околицу.

Степанида шла уже к соседу жать рожь, а Андрюша

всё спал да спал. Но вот сквозь сон он услышал звонкий голос Кольки:

— Андрюшка, вставай! Мой тятка тебя зовёт!

В раскрытую дверь сарая влился яркий утренний свет. Андрюша очнулся, сел, широко зевнув, и обиженно заговорил:

— Вот тебя, чертёнка, не во-время леший принёс. Не дал ты мне доглядеть такой хороший сон...

И, протирая руками заспанные глаза, стал рассказывать:

— Приснился вчерашний солдат. Привёл он меня в лес, подал топор и велел рубить брёвна нам на избу... Лес ровный, сосновый, гладкий, брёвна как свечи. И пошёл я рубить. А брат Сашка будто бы из солдат вернулся и на своих плечах брёвна в деревню таскает. Только не успели мы избу из нового леса срубить, ты меня и разбудил...

Андрюша опять сладко зевнул и пошёл умываться.

У Шадрина в душевой избе их ждала починка старых полусапожек и прочая нехитрая работёнка.

3. КРАЯ МЕДВЕЖЬИ...

Глухи Сямженские медвежьи края. С большим опозданием приходили в Куракино городские новости. Местный учитель изредка получал газету «Русское слово», а потом газета совсем перестала приходить, хотя ещё не кончилась на неё подписка. Учитель писал в редакцию, жаловался, что без газеты интеллигент в селе — что без рук, но всё было напрасно.

Так и осталось Куракино без вестей с фронта, без городских новостей.

Весной восемнадцатого года крестьяне на деле увидели, что такое советская власть. В Куракине, в Рубцове, в Чижове и на Горе, едва успел сойти снег, стали ходить мужики с сажеными колышками по полям, по

лугам, начали проводить в жизнь ленинский декрет о земле.

Александр, старший брат Андрюши, ещё находился на службе, но земли нарезали и для него. Вскоре Александр, с пулей в ноге, вернулся с фронта.

К тому времени Андрюша, переняв как следует от Шадрина сапожное ремесло, заработал себе двуствольное шомпольное ружьишко и звонкоголосую старенькую гармонь. От Шадрина Андрюша ушёл, но для работы у себя на дому ему недоставало сапожного инструмента, колодок и кожи.

— Зачем тебе струмент и кожа? — насмеялся Шадрин. — Потешь себя тальянкою, да сходи в лесок, ворон постреляй. Ружьё-то у тебя с двумя дырками, одного пороху жрёт сколько!

Брат Александр досадовал, упрекал Андрюшу:

— Ты ведь не маленький, тебе пятнадцать годов отмахало, а по-настоящему думать не научился. Для чего тебе гармонь? Может быть для того, чтобы девки полюбили?

Андрюша краснел, смотрел на грязные половицы и на стоптанные сапоги брата.

— А я скажу, — продолжал наставительно и хмуро Александр, — девки не за гармонь тебя полюбят, а за сапожное рукоделье. Опять же ружьё, к чему оно тебе? Да разве это ружьё? — Александр доставал с полатей покрытую чёрным лаком старинную фузею, местами перевязанную медной проволокой и обитую для прочности жестью. — Это не ружьё, а подкрашенная старая оглобля. Эх, ты, забавник непутёвый!

Андрюша, молча слушая брата, думал: «А чего плохого в том, что у меня ружьё и гармонь? Почему бы мне в сумерки или в праздники не попиликовать на гармошке? На чужой тальянке играть не обучишься, без своего ружья охотником тоже не станешь...».

Степанида не упрекала Андриюшу. Она была рада: меньшей сын подрос—в работники вышел, старший сын с войны жив вернулся. Радовалась мать ещё и тому, что работающая, недурная лицом её дочь Таисья привлекала к себе внимание женихов и, наконец, выбрав из них самого бойкого парня, вышла замуж.

Подумывала теперь Степанида и о женитьбе старшего сына Александра, но тот, устав от войны, пока и не мечтал об этом. Одни у него были думы: поправить двор, выкормить рабочую лошадку для хозяйства и обзавестись коровой.

В начале зимы братья Коробицыны получили в земельном отделе разрешение рубить лес для постройки нового дома. С вечера Андриюша и Александр точили брусками топоры, а чуть свет брали по краюхе хлеба и уходили в лес.

Тот, кто родился и вырос в деревне, знает, что значит новая пятистенная изба... В ней обычно живут две семьи, два женатых брата. Четыре окна на солнечную сторону, да по одному окну боковому. Крыша тесовая, позади избы — придворок для скота, сверху — сарай да сенник для домашнего скарба. О такой избе радостно было думать братьям.

Рубка леса на новую избу подвигалась быстро; каждое дерево было облюбвано, обухом простукано, под самый корень срублено и бережно сложено в штабель. Знали братья, что избу придётся строить не так-то скоро; надо для этого дела иметь хлеб для плотников, на деньги в ту нелёгкую пору рассчитывать было нельзя. Купил однажды Александр праздничную шапку, отдал за неё ровно миллион рублей денежными дешёвыми знаками. Не прошло и двух месяцев, как сосед предложил ему за эту шапку пять миллионов. Александр позарился: шапку продал, а через два месяца на эти миллионы купил лишь напёрсток и хомутную иглу. Нет, на такие

деньги нельзя строиться, вся надежда была на хлеб да на пушнину.

Сямженские крестьяне, не имевшие ружей-дробовиков, применяли иные способы охоты: ставили на звериные тропы силки да ловушки и волчьи капканы. Через день-два обходили они места, где были расставлены незатейливые орудия охоты и лова, а к вечеру приносили домой зайчишек, белок, иногда и лисиц.

Андрюша Коробицын тоже нередко бродил по лесу со своей двуствольной фузеей и сшибал всякую дичь. Не боялся он даже попасть на след медведя, рассчитывая, что для мишки двух зарядов картечи будет достаточно.

В Куракине за это лето медведи задрали двух коров. Около Чижова в поскотине гуляла медведица с медвежатами и прокатилась верхом на ретивой кобылице: кобыла прибежала в деревню, с кожей на боках—нараспашку. Народ собрался в погоню за хищницей, но было поздно: медведица успела вместе с медвежатами перебраться через болото и скрылась в глухом бескрайном лесу.

— Жаль, меня близко не было. — говорил Андрюша, — наверняка шкура с этой медведицы сохла бы на изгороди у нас под окном.

Однажды возвращался он с охоты недовольный. Две утки у его пояса болтались вниз головами. Целый день потерял, и только две утки! Проходя вдоль опушки леса, он издали заметил двух мужиков. На длинной жерди они что-то несли.

Когда они приблизились, Андрюша с удивлением разглядел болтавшегося на жерди подростка-медведя. Лохматые лапы его были изувечены и скручены крепкой верёвкой. Жердь была просунута между связанных лап медведя и концами держалась на дюжих мужицких плечах. Медведь висел вниз головой и, качаясь из стороны в сторону, глухо рычал.

Андрюша поглядел на мужика, идущего впереди с окровавленным топором, заткнутым за ремень, поглядел на другого, костылявшего позади; они заметно устали, но, весёлые, неся необычайную ношу, шутили:

— Тише, миша, не рычи! Вот уж скоро деревня, там тебя угостим.

— Михайло, не щеперся, пока тебе промеж ушей обухом не попало.

Андрюша поздоровался с мужиками, не без зависти спросил:

— Эй, дядя, как же это вас угораздило живого медведя верёвками связать?

Крестьянин, что был с топором, похвастал:

— А это дело не хитрое, в два счёта голыми руками скрутили.

— В этом лесу захомутали? — помолчав, снова спросил Андрюша и указал на лес, откуда он только что вышел с озёрных мест.

— Ну да, в этом.

Андрюше стало ещё досаднее: он здесь бродил целый день и даже свежего следа медвежьего не приметил, а тут пожалуйте!

Оставив счастливых охотников, Коробицын возвратился в Куракино. Обидно было ему, что даже такой подросток-медведь не подвернулся под его заряд.

Вечерело. Августовское солнце перед закатом рассыпало яркие лучи свои по болотисто-жёлтому жнитву. Поперёк узких и длинных полос ложились тени от сулонов. Где-то поблизости в перелесках тоскливо перекликались кукушки, да изредка, под задор молодому охотнику, в поднебесье пролетали стаи гусей, достать их из дробовки никак не было возможно. Извилистая тропа пустошами, лугами и запольем всё ближе и ближе подводила Андрюшу к родному дому.

За порог переступил он усталый и молчаливый. Ружьё

засунул в угол на полати, а двух уток небрежно бросил на шесток.

— Мама, ощипли да свари. Очень проголодался.

— Сварю, не бросать же твои труды, — ласково отозвалась Степанида Семёновна, кропавшая старые мешки под картошку.

С улицы пришёл Александр, потряс в руке уток, точно взвешивая их, и покачал головой:

— Подумаешь, какие две «туши» принёс; утята молодые, жиденькие.

Степанида, чтобы не обидеть Андрюшу, вмешалась:

— И то добро, всё лучше, чем с пустыми бы руками пришёл. Хороший навар с двух-то утят будет.

— Верно, мама, верно. Алексашка у нас всегда против шерсти гладит, а небось первый с ложкой к блюду сунется. Погоди, вот подберусь, да медведя шпокну, тогда другое он заговорит.

— Нос до медведя не дорос, — подзадорил Александр брата.

— Поживём — увидим. Если осенью не убью, то зимой на лыжах пойду медвежью берлогу искать. А своего всё равно добыюсь!..

Александр не стал возражать. По его строгому лицу было видно, что сейчас он думал о чём-то другом.

Потом, когда Степанида вышла на поветь, Александр долго и, казалось ему, вразумительно беседовал с Андрюшей о разных делах: о корове, которая должна на рождество отелиться, о тараканах, которых с первыми заморозками надо заморозить, о сапожном ремесле, о постройке новой избы и о многом другом, а потом наекнул брату (который уже раз!), что ружьё и тальянку давно бы надо продать. Андрюша поднялся с широкой лавки, зевнул, как бы ненарочно, и вопросительно ответил:

— Лучшего ты ничего придумать не смог? — и полез

на скрипучие полати, позабыв даже рассказать о мужиках, изловивших сегодня медведя...

Осень с крепкими заморозками и длинными вечерами вплотную сомкнулась с наступавшей зимой. На мёрзлых гумнах, чередуясь цепами, молотили рожь, овёс, ячмень. На предбанниках бабы трепали лён. Вдоль деревни по тракту часто с топорами и большими кузовами проходили на отхожие промыслы лесорубы, сезонники — плотники, печники, конопатчики. Охотники рыскали по лесам, гонялись за сытыми зайцами и присматривали к зиме медвежьим берлогам.

Мысль об охоте на медведя никак не покидала Андрюшу. По вечерам он ходил к соседям — куракинским старожилам, расспрашивал опытных охотников, по каким приметам можно обнаружить в лесу берлогу, далеко ли от деревень медведи обосновываются на зимнее житьё, с какого времени, и даже интересовался, когда дороже считается медвежья шкура и вкуснее медвежатина; понадобилось ещё ему знать, какое место у медведя самое уязвимое и чем проще убить его — пулей или рубленным свинцом-сечкой.

... О местонахождении берлоги где-то в дебрях в стороне от Куракина Андрюша услышал от соседских ребят. Они ходили за спелой клюквой и будто бы видели здорового медведя, таскавшего сучья. А это значит, что в том месте будет он зимовать.

На широких самодельных лыжах, вытесанных из старых полозьев, с двустволкой за спиной ходил Андрюша в лес. Скользя по снегу, прислушивался, присматривался к бурелому, но не обнаруживалась берлога. Вблизи него пролетали куропатки, иногда белый, словно снежный ком, проскакивал мимо заяц. Андрей удерживался от траты зарядов. Заряды в ружье были особенные: в одном стволе — крупная дробь, чтобы выпустить её в заспанную медвежью морду, в другом — туго забитая свинцо-

вая с надрезами пуля, которая должна поразить зверя, когда тот поднимется на задние лапы...

Не раз и не два, тайком от других охотников, Андрюша пробирался в лесную чащу — и всё напрасно. Приходил домой, раздевался, вытряхивал снег из старых кропанных валенок и, задумчивый, садился у окна.

Однажды Степанида подошла к Андрюше, обняла его вихрастую голову, ласково заглянула в глаза:

— Почему ты, родной, за свою охоту так болеешь? Посмотри-ка в зеркальце, какой ты стал тусклый. — Улыбаясь, добавила: — на ружьё своё не обижайся, оно славно бьёт. Вчера с полатей упало, зараз три горшка разбило.

— Невелика польза! — усмехнулся Андрюша.

— Да, небольшая. Старшему-то я не сказала об этом, чтоб не было лишних разговоров. И без того он с тобой не всегда в ладах. Мне говаривал, будто и ремесло тебе не впрок пошло. А я ему: «ремесло — не ко-ромысло, плеч не оттянет». Мне-то всё понятно, а ведь Александру нашему вынь да положь, да чтобы всё сразу. Вот и вчера, видать, недовольный чем-то, молча оделся и ушёл на подряд кому-то дрова рубить...

Мать поправила на голове платок и, вздохнув, тяжело опустилась на лавку.

Зиму Андрюша прожил дома, зарабатывая на пропитание себе и матери починкой валеной обуви.

Когда наступили мартовские оттепели и начал подтаивать снег, а по утрам заморозки создавали крепкий наст, Андрюша сообразил, что теперь скорей, чем когда-либо, можно отыскать в лесу звериное логово. Но это ему никак не удавалось. После долгих безуспешных хождений в лесу на Ваге, по мелколесью в Лодейке и на Чёрной речке он начал охладевать к охоте, чем весьма был доволен Александр, человек работающий, считавший всех охотников бездельниками.

4. В РАБОТНИКАХ У ВАСЬКИ БАЛАГАНЦЕВА

Долго в ту пору о Ваське Балаганцеве не было вестей. Потом прошёл слухок, будто Васька остался где-то у белых, говорили также, что он убит, но верно ли это — никто не знал.

Прошло два года с тех пор, как затихла долгая, казалась, бесконечная война, а Васьки всё нет и нет. Люди стали забывать о кулацком последыше Балаганцеве.

И вдруг неожиданно вновь появился в Куракине Балаганцев. Лет пять не бывал он у себя в деревне, и приезд его вызвал не мало догадок и разговоров среди куракинских мужиков. А всего больше удивляла их Васькина вежливость.

Сапожник Шадрин говорил соседям:

— Большевики-то, видно, отесали Ваську, стал, как миленький: теперь он знает, что спесь не доведёт до добра.

И выглядел Балаганцев совсем по-иному, разговоры вёл по-деловому. Мужикам разъяснял законы о налогах, о страховке, и жалобу для кого угодно написать в уезд, в губернию ему ровно ничего не стоило. Брался за это охотно.

Куда только девалась прежняя кулацкая прыть, офицерская заносчивость! Его уже по имени и отчеству величают—Василий Алексеевич. Он уже в волостной исполком тянется на советскую службу и в то же время своё крепкое хозяйство из рук не выпускает. И вот уже Василий Алексеевич на собраниях выступает, да как медоточиво! Словно рад всю Куракинскую волость на своих плечах в рай втащить.

Как-то под вечер Андрюша Коробицын, отвозя на салазках корм для коровёнки, повстречал шедшего из волостного совета Ваську. Сапоги с калошами, шапка бывшая офицерская — серый каракуль, галифе — шире

зимней дороги, а у френча четыре больших кармана. Балаганцев помахивал портфелем, насвистывая песенку:

Цыплёнок жареный,
Цыплёнок пареный,
Цыплёнок тоже хочет жить.

Андрюша осмелился остановить его, спросил:

— Василий Алексеевич, давно собираюсь я зайти к тебе, у тебя наверное есть много хороших книжек?

— Интересуешься?

— А как же, люблю книжечки. Нет ли чего про политику?

— Вот как! А разберёшься в политике?

— А ты дай попроще, может и разберусь.

Балаганцев расстегнул портфель, порылся и с застойной усмешкой протянул Андрюше тощую брошюру:

— Я в твоём возрасте таких книжек не читал.

Андрюша взял книгу: «Лафарг. Экономический материализм Карла Маркса. Перевод с французского». С минуту он перелистывал брошюру, раздумывая, — вернуть ли сейчас же книжку Ваське, или попытаться что-нибудь в ней понять?

— Куришь? — спросил Балаганцев.

— Изредка, когда табачишко есть.

— То-то, смотри не искури книгу, — предупредил Балаганцев и торопливо зашагал к дому...

В глухой, отдалённой от городов и железных дорог Куракинской волости в ту пору не было ни комсомола, ни партийной ячейки. Коммунисты из уездного города заглядывали в волость редко и на весьма короткое время. С помощью кулаков и подкулачников Балаганцеву нетрудно было пробраться на должность председателя волостного исполкома. Были пущены в ход и лезть с красноречием, и подсиживание с вытеснением негод-

ных, и клевета. Люди не сразу распознали бывшего офицера и кулацкого сына.

В ту пору временно допускалась аренда земли, и кулаки нанимали батраков. Почему же и Балаганцеву нельзя? Ведь сам он служит, о всей волости заботится, работать по хозяйству и в поле ему нет времени, да и его ли это дело? Когда же, осмелев, сильнее закопошились кулаки и торговцы-частники, Балаганцев пустился агитировать:

— Без богатого мужика вся Россия по миру пойдёт; если все будут нищими, так кто же нищим подавать станет?

Братья Коробицыны с матерью жили попрежнему бедно и вынуждены были работать по найму.

Балаганцев, присматриваясь к молчаливому, скромному Андрюше, находил, что такой безответный и сильный парень — клад. Однажды он позвал его к себе работать на лето. Андрюша ответил, что сначала посоветуется с матерью, а потом будет с ним рядиться.

— Разве ты сам себе не хозяин? — удивился Балаганцев. — Зачем тебе со старухой разговаривать? Небось, за девушками стреляешь, ни свата, ни брата не спрашиваешь...

— Так то за девушками, в работники наняться — это другой разговор!..

Придя домой, Андрей сказал матери:

— Мама, меня председатель на лето в работники зовёт, идти к нему или нет?

Степанида, прикинув в уме, сумеет ли она одна с сенокосом и прочими работами управиться, рассудила, что без Андрюши в своём хозяйстве вполне можно обойтись, но ответила не сразу.

— Не мне работать, а тебе, сынок, сам и подумай. Я ведь не знаю, каков он. Если по отцу судить, так — собака.

— А мне кажется, он незаносчивый, ужиться с ним можно.

— Дело не в горделивости, сынок. В нынешние-то времена человек если возгордится, то никуда ведь не погодится...

— Как же, по-твоему, идти или нет? — переспросил Андрюша.

— Наймись. Не полюбится — уйдёшь обратно.

— В подёнщину или помесечно?

— Как хочешь. Рядись — не торопись, на прибавку не надейся. Балаганцев состоятелен и богат, но кто богат, тот нам не брат. Запомни это. Богатство и скупость рядышком живут, лучше бы найти хозяина и победнее, да почестнее...

Слова матери казались справедливыми, однако Андрюша пошёл-таки внаём к Балаганцеву.

Всякой работы у того было много: в полях пахать, в лугах косить, сено грести и стоги метать. Едва с сенокосом управлялись, наступала уборка урожая. Полосы у Балаганцева шире всех. Жали их наёмные бабы, «помочами» — вручную серпами, работали поспешно и напряжённо, даром, за один лишь хлеб и обед. В ужин на стол подавался мутный самогон, только не было от него веселья. Усталые жнеи спешили домой на ночной отдых.

В исполком Балаганцев являлся позже всех и уходил с работы первым, но нередко принимал посетителей у себя на дому, кого с переднего, кого с заднего хода. Подумывал Васька в уезд «выдвиженцем» пробраться, а там, глядишь, открылась бы перед ним дорога пошире.

Но и побаивался Балаганцев: если переберётся он в уезд, пожалуй, начнут там наводить о нём справки, узнают «лишнее», и последуют большие неприятности, пока же он орудует у себя на селе, и о работе его в

уезде справляются лишь по отчётам, всё обстоит благополучно, о том, что посетители дают ему взятки, в уезде пока неизвестно.

Вымогание взяток давно заметил за ним Андрюша Коробицын и возненавидел его. Но куда пойдёшь, кому скажешь? В газету написать — малограмотен, к тому же Балаганцев с почтальоншей в дружбе. Напишешь письмо в редакцию, а попадёт оно в Васькины руки.

С кем, как не с родной матерью, сомнениями поделиться.

Молча выслушала она сына, и взвешивая каждое слово, сказала:

— Не надо, Андрюша, со всяким дермом связываться, стой от греха подальше, мало ли кто правду знает, да не всяк её на свет пускает. До поры до времени взятки-подачки Ваське дорожку прокладывают, колёса подмазывают, легко ему катиться, только куда он прикатится? А ты молчи знай, молоденец в чужие такие дела мешаться.

— Народ поговаривает, будто скоро сшибут его с этого места долой, — промолвил Андрюша.

— Улита едет, когда-то будет, а пока живи у него тихонько, хоть бы при расчёте он тебя не обидел.

— Не обидит, — протянул Андрюша, — пусть-ка попробует, найдётся и на него управа!..

— Найдётся, родимый, найдётся.

На другой день после разговора с матерью Андрюша вернулся домой на ночлег вместе с братом, усталым и угрюмым. Работал Александр в лесу, проголодался и выпил натошак зараз две кринки молока.

— Слышал новость? — спросил он Андрюшу, раздеваясь.

— Какую?

— Ну, ничего-то не знаешь ты: Ваську за деревней сегодня пьяного избили...

— Кто? — удивился Андрюша.

— Пока неизвестно. Говорят, били его сосновой плахой в полпуда весом.

— Заслужил, вот и побили, — равнодушно заметил Андрюша.

— А почему ты зол на своего хозяина?

— Мало ли я что знаю про него. Хоть он и умён, и газеты каждый день читает, и речи говорит, а подлец, каких поискать.

Балаганцев две недели не показывался на работу, когда же выздоровел, то взял справку от фельдшера, акт, составленный милиционером, «об избиении плахой предвика Балаганцева» и написал в Тотьму о том, что «обнаглевший классовый враг» совершил тёмной ночью вылазку, из мести пытался его убить, и что ему, Балаганцеву, по этой причине желательно перебраться на постоянную работу в уезд, иначе кулаки и впредь не дадут ему спокойно работать, тем более, что «классовый враг» не пойман и не разоблачён...

Вскоре Балаганцева вызвали в Тотьму, а в Куракинскую волость тем временем прибыл сотрудник ГПУ и остановился на ночёвку у сторожихи исполкома. Ходил он по окрестным деревням в болотных кожаных сапогах, в осеннем пальто, застёгнутом наглухо, расспрашивал о председателе волостного исполкома, о его работе, кому он потачку даёт, с кого подачки берёт, кто его боится и почему. Если сотрудника ГПУ спрашивали — кто он такой и зачем в здешние места пожаловал, он скромно отвечал:

— Так себе, по разным делам приехал из Госполитуправления.

— Вот как! Стало быть насчёт нашего житья и прочих дел поаживаете?

Сотрудник ГПУ, назовём его прямо по фамилии — Кузнецов, узнал, что в Куракине есть сапожник Шад-

рин, мужик словоохотливый и любознательный. Решил к нему зайти.

В избе у Шадрина было не совсем опрятно, пахло дѣгтем и чем-то ещё.

— Здравствуй, дядя Алёша! — поздоровался Кузнецов с Шадриным, будто со старым знакомым. — Будь добр, на скорую руку почини мне сапоги, каблуки немножко сносились.

Пока Кузнецов разувался, Шадрин разглядывал его, вспоминая: «Где же я с ним встречался?».

Догадавшись, о чём думает сапожник, Кузнецов по-свойски подмигнул ему:

— Дядя Алёша, не припоминай; добрые люди сказали, что здесь хороший сапожник живёт, ну, я и зашёл к тебе сапожонки починить...

— Это я 'сей минут, сей минут, — обрадованно затараторил Шадрин и, стараясь разгадать пришельца, спросил: — Ты, гражданин, не насчёт налога с кустарей-одиночек?

— Нет, нет, — отмахнулся Кузнецов, — совсем не по этой части.

Не прошло и получаса, как сотрудник ГПУ деловитым и простым разговором расположил к себе Шадрин. Позвав хозяйку, старик велел ей согреть самовар и сварить полдюжины яиц.

За чаем незаметно зашёл разговор о Балаганцеве.

— Что и говорить, башковитый мужик: учёный, не наше горе. И своё хозяйство богато поставил и властью управляет что-те прежний старшина. А то, что побили его плахой, товарищ, так это правильно, зря не тронули бы. Две недельки вылежал, вот как грохнули!..

— На кого же думают? — поинтересовался Кузнецов.

— Так отлупили, что и подумать не на кого. Били его пьяного, а кто — никому не ведомо.

— Может кулаки?

— Ой, что ты! Богачи-то Балаганцеву воздают честь-почтенье. И когда он больной лежал, так люди, побогаче которые, на дом подарки ему носили и печёным и варёным, и жареным и пареным.

— Да за что же? — как бы недоумевал Кузнецов.

— А вот поди, разберись.

— А всё-таки, как ты, дядя Алёша, думаешь?

— А всяко бывает, — предположительно поведал сапожник, глотая горячий морковный чай с блюдца. — Вообще-то народ у нас смирный, недрачливый, а по пьяной лавочке чего не бывает.

— Так, так. И ты, случилось, дарил ему что-либо?

— Мне нечем его дарить, да и не за что. Греха не скрою, сапоги однажды шивал ему дарма.

— Так, так, значит Балаганцев вымогает даже с односельчан за всякие услуги?

— Что и говорить, должность у него доходная, как не брать, если дают. Да чего ты ко мне пристал? Мне-то до него какое дело? — спохватившись, грубо и решительно отрезал Шадрин. — Ничегошеньки я про него не знаю, да и знать не хочу. Уж если кто знает больше всех, так это Андрюшка Коробицын, да-да, ему видней. Раньше он у меня в ученье был, а теперь у Балаганцева батрачит. Ну-ка, Авдотья, ты чего уши-то развесила? Видишь — у человека чай остыл. Подгорячи ему на самоваре. Да яички-то, яички вкрутую сварились. Кушай, гостенёк.

— Спасибо, я больше не хочу. Сколько вам за ремонт?

— Ну, какой тут ремонт, — пустяки. Ничего мне не надо.

— Зачем так, дядя Алёша, получи, что полагается, — возразил Кузнецов.

— Ну, ладно, заплати, сколько не жаль...

Кузнецов решил повидать наедине Андрюшу Корибицына.

Застал он его на другой день в поле за бороньбою.

— Здорово, молодой человек! Как работа идёт? — спросил Кузнецов, подходя к Андрюше.

— Да ничего, помаленьку, земелька рыхлая, боронится легко.

Андрюша оставил на заповоске лошадь, поправил на ней шлею и, прищурясь на прохожего, спросил:

— Может закурить есть?

— Есть, закуривай.

— Ого, папиросы, а мы махру да ещё самосадную курум. Папиросы только по праздникам.

— На Балаганцева работаешь? — вскользь поинтересовался Кузнецов.

— Откуда ты знаешь? На бороне, кажись, не написано.

— Да так, вижу, что лошадь Балаганцева.

— Ну это не лошадь, а кляча, выездного-то коня он не даёт, бережёт, сам на нём только по гостям разъезжает...

Парень показался Кузнецову неробким, и он тут же завёл с ним прямой разговор о председателе исполкома.

Лошадь с хрустом выщипывала на заповосках подножный корм, а они оба сели, спустив ноги в придорожную канаву. Кузнецов показал Андрюше своё удостоверение. Тот с минуту внимательно его разглядывал, потом спросил:

— Скажи, пожалуйста, а ГПУ — это выше милиции будет, или, скажем, председателя вика?

— Дело не в том, выше или ниже, — отвечал Кузнецов, как будто не удивившись наивному вопросу. — ГПУ — это учреждение, которое борется со всеми врагами советской власти...

«Значит выше», — подумал Андрюша.

— Так ты и есть Андрей Коробицын? — для достоверности спросил Кузнецов.

— Правильно, но пока, по молодости лет, меня ещё зовут Андриюшкой.

— У меня с тобой, товарищ Коробицын, будет серьёзный разговор, и пусть никто об этом разговоре не знает. — Помолчав немного, Кузнецов спросил: — Так вот: что ты знаешь о разных проделках Балаганцева, о его взятках, о дружбе с кулаками, о вражде с бедной? Одним словом — всё!..

Андриюша обрадовался надёжному человеку и стал тщательно припоминать безобразия, водившиеся за Балаганцевым. Проговорил он с Кузнецовым целый час.

— Всё это очень важно и нужно нам знать, — сказал, уходя, сотрудник ГПУ. — И наблюдать ты умеешь, и память у тебя крепкая, незасорённая. Так я твоё устное заявление оформлю протоколом, по всем правилам. Балаганцева тебе нечего бояться. Он тут у вас не долго насидит.

— Да я его и не боюсь. Мне всегда было не по себе знать о нём правду и не находить, кому и как её передать. А теперь на сердце у меня полегчало. Значит нашему предвику крышка? Будем ждать...

Вскоре Балаганцев распрощался с председательством в Куракинском волостном Совете. Нашлась на него управа.

5. В КРАСНУЮ АРМИЮ

В Красную Армию призвали Андрея Коробицына осенью 1926 года. Тяжело было Степаниде Семёновне расставаться с любимым сыном. По ночам, лёжа на печи, плакала тайком:

«Стара уж я стала, уйдёт родименький, а когда вернётся, меня, может, в ту пору и в живых не будет».

Вспоминала старушка, как лет десять назад уходил в царскую армию её сын Александр. Матёрый был парень, и ростом, и в плечах, а нрава смиренного. Никому и никогда не досаждал. А когда уходил в солдаты — на всю деревню рыдал, не уступая матери.

Андрей же перед призывом почему-то ходит весёлый. Дивилась Степанида Семёновна: то ли сыновья разные, то ли служба легче стала. Поглядел Андрей на мать, заметил её печаль и затянул под гармонь.

Скоро, скоро пароход
От берега отчалится,
В Красну Армию поедет,
Нечего печалиться...

Александр тоже жалел, что семья на два года лишается хорошего помощника, себя он полноценным работником не считал с тех пор, как был ранен в ногу...

В уездном городе Тотьме Андрею до призыва не приходилось бывать.

Город стоит на высоком живописном берегу судоходной Сухоны. Маленькие крашенные домики, досчатые мостки, палисадники с пожелтевшими тополями, вывески на учреждениях и магазинах, шумная базарная площадь, каланча с дремлющим пожарником, много церквей, пристань и несколько пароходов, — всё это произвело на Андрея и других призывников, ни разу не видавших города, большое впечатление.

На призывном пункте заседала комиссия из военных и штатских. Два врача измеряли, взвешивали каждого призывника и прослушивали его сердце.

Пришла очередь Андрея. Белотелый, крепкий, без единой царапинки, он выгодно отличался от ребят, отмеченных шрамами в деревенских драках. Врач повернул его и, направляя к столу, где заседала комиссия, сказал:

— Вполне годен! — и весело добавил: — хороши волосы у парня, да придётся их сбрить.

Один из членов комиссии, в военной форме, державший в руках анкету, подозвал Андрея и чуть заметно улыбнулся.

Андрею показалось, что когда-то он видел этого человека.

— Андрей Коробицын?

— Я!..

— Ого, да вы почти по-военному отвечаете. Что, не узнаете меня?

— Припоминаю, — признался Андрей. — Вы меня допрашивали по делу бывшего предвика Балаганцева. Ну, как не помнить!..

— Желаете служить в Красной Армии? — спросил Кузнецов.

— Желаю, с охотой и радостью.

— Молодец! А в войска ОГПУ, на границу хотите?

Андрей смутился. Никак не ожидал он, что люди в комиссии спросят его, где он хочет служить.

— Дело ваше, товарищ начальник; куда пошлёте, туда и пойду.

— Мы вас определим в Ленинград, а оттуда направят на границу..

Андрею выдали на руки документ с отметкой комиссии и предупредили о времени отправки в часть...

С призыва Коробицын вернулся на неделю домой. Голова у него гладко выбрита, настроение весёлое, жизнерадостное.

— Можешь поздравить, мама!..

— Ой ты, соколик, взяли?

— Взяли.

По щеке Степаниды горошиной катится слеза; то ли сына жалко, то ли от радости, что такого детину вырастила.

Брат под полатами войлок к хомуту пристёгивал, бросил работу и к Андрею:

— Ну, как, пехота или артиллерия?

— Ни то, ни другое, а что-то третье, — загадочно ответил новобранец.

— Так куда же, в кавалерию?

— В войска ОГПУ, на границу.

— Ого! Вот как! Туда берут с выбора. Большое, значит, тебе доверие.

— Да, служба будет, что надо, — придётся глядеть в оба...

— Граница — дело известное. Ну, когда совсем отпавишься?

— Через недельку.

Неделю гулял Андрей с новобранцами, ходил с гармошкой по деревням, плясал, не жалея сапог.

Уходил Андрей из дому рано утром. За плечами небольшой мешочек с бельём и питанием в путь-дорогу.

Двадцать два года прожито в далёком вологодском Куракине, всё здесь так пригляделось, так знакомо, что, зажмуря глаза, мог бы Андрей пробраться по своим окрестностям куда угодно, не запнувшись.

Но жаль ему покинуть старушку-мать; жаль оставить весёлую гулянку с товарищами и всё, к чему привык, с чем сдружился в юности. Но было и радостно на душе за своё будущее, за предстоящую службу в Красной Армии, на границе.

Мать и брат проводили его далеко за деревню. Не раз оглядывался Андрей на родное Куракино, на два серых посада домов, крытых тёсом; на поля, спускавшиеся полосами с пологих холмов, на густой кустарник лесной опушки, куда хаживал он охотиться на рябчиков и куропаток. В трёх километрах от своей деревни, на засохшем и полёгшем земляничнике, они все трое сели отдохнуть. Отсюда матери и брату возвращаться до-

мой, Андрею — идти в Тотьму. Подошли ещё три новобранца-попутчика из других деревень, подсели к Коробицыным.

— В часть? — спросил Андрея один из призывников.

— Да, послезавтра из Тотьмы в отправку, — живо отозвался тот.

— Мы туда же.

Ребята закурили, тихонько между собой балагурия.

Александр лежал на бугре у канавы и молча следил за громадными, белоснежными облаками, плывшими в голубом просторе.

— Пиши, Андрюшенька, домой-то, — медленно говорила мать. — Пиши про всё, да служи, родной, похорошему; верно и правильно служи, да гляди там в оба, чтобы всё было хорошо да ладно.

— Спасибо, мама, буду помнить твои слова. Живи счастливо, за меня краснеть тебе не придётся. Идите с братом домой, хватит меня провожать. Теперь я с попутчиками доберусь.

Андрей поднялся и закинул за спину мешок. Матери он помог встать с бугорка; обнял её, поцеловал. Потом обнял брата, ещё раз обнял и поцеловал мать.

— Ну, до свиданья, родные!.. Ждите...

Андрей и трое с ним призывников тронулись дальше. Пройдя шагов двести, он обернулся. Мать стояла на бугорке, где они только что отдыхали, и махала головным платком. Брат не спеша удалялся в сторону Куракина...

Прилично одетый с русыми вихрами, парень-попутчик заговорил первым:

— Ты, товарищ, из Куракинской волости?

— Да.

— Фамилия какая?

— Коробицын. А вы откуда?

— Мы все с Режи.

Шли они просёлочной дорогой через глухие пустоши, через луга с намётанными стогами и густой зелёной отавой. В лесах на подсеках, по выжатым полосам бродили стаи журавлей, издали похожие на стада овец.

— Ишь, черти, знают, что без ружей идём; потому и подпускают близко, — заметил Андрей, показывая в сторону журавлиной стаи.

— Постойте-ка, я сбегая спугну их, интересно, насколько они смелы и беспечны? — сказал один из ребят, лучше других одетый, и, наклонившись, побежал к журавлиной стае.

Его товарищи сообщили об этом парне Андрею:

— Это наш почтовик Боровиков из Рубцова. Парень учёный, с книгами не расставался, даже стишки сочинять умеет.

— Вот он какой! На командира как есть выслужится. Ещё до призыва полевой устав изучил, наган разбирает и собирает в три минуты...

Журавли подпустили Боровикова очень близко. Завидев его, торопливо подкрадывавшегося к ним, они, не поднимаясь в воздух, курлыча, пробежали немного и опять разбрелись по полосам. Боровиков, махнув рукой, вернулся.

И снова четверо товарищей продолжали свой путь к уездному городу.

В Тотьме новобранцев скопилось много.

На пароходе было весело. Песни и пляски на верхней палубе не прекращались до ночи. Андрей успел познакомиться со многими из ребят, пробовал играть на чьей-то гармошке и с кем-то пускался на перепляс.

Наутро пароход медленно пробирался сквозь нависший над рекою туман. А когда выглянуло солнце, вдали на горизонте показалась губернская Вологда.

Андрей, стоя на верхней палубе; любовался городом, казавшимся ему невероятно большим и привлекательным.

6. В ЛЕНИНГРАДЕ

От Вологды до Ленинграда ехал Андрей Коробицын в воинском вагоне. Их сопровождал молодой командир взвода — из курсантов, в ремнях и с кубиками в петлицах.

На вокзале в Ленинграде призывников временно поместили в агитпункт. Командир взвода с кем-то говорил по телефону, а затем сказал вновь прибывшим, что здесь они будут ждать ещё группу товарищей, запоздавших с сибирским поездом, и что желающие могут пока использовать свободное время по своему усмотрению, особенно те, кто знает город.

Андрей, оставив в куче кашаваок свою холщёвую кофомуцу, попросил у комвзвода разрешения уволиться в город на несколько часов. Командир посмотрел на Андрея, на его затасканный ватный пиджак, на штаны, нависшие на голенища непромазанных сапог, спросил:

— А вы Ленинград знаете?

— Не приходилось бывать.

— Впрочем, Ленинград город такой, что в нём ориентироваться нетрудно. Вы сядете около вокзала на трамвай двадцать четыре, проедете весь Невский, затем мимо Исаакиевского собора, вправо по мосту, а там попадёте на Васильевский остров и на том же трамвае вернётесь обратно, осмотрев центральную часть города.

Вышел Андрей на привокзальную площадь. Беспрепятственно сновали трамваи, автомобили, извозчики. Народ шёл густо. И хотя было утро, светло, как днём, но в каменных высоких домах без надобности светилось электричество.

«Ну и город! Вот это город! В любой дом всё наше Куракино влезет...».

Андрей на минуту остолбенел, не зная, куда податься. Увидев скопление трамваев в одном конце улицы

против вокзала, он выбежал на площадь, где народу было поменьше. Посреди площади стоял памятник — царь на коне, Андрей обошёл вокруг памятника, прочёл надпись:

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

У трамвайной остановки он толкался добрых полчаса, пропустил немало трамваев. Как Андрей ни посмотрит с боку на стенку трамвая, — номера всё крупные, четырёхзначные: то тысяча с лишним, то за две перевалило, а двадцать четвёртого номера нет и нет... Не вытерпел Коробицын, выбрал на свой взгляд простоватую старушку и вежливо обратился:

— Бабушка, а бабушка...

— Какая я тебе бабушка? — грубо огрызнулась та.

— Ну, мамаша...

— И не мамаша, а гражданка...

И «гражданка», зацепившись за поручни, бодая какого-то гражданина головой в спину, влезла в туго набитый трамвай. Тогда, совсем нечаянно Андрей заметил не сбоку, не внизу на стенке трамвая, а спереди вверху крупный номер 24.

— Ах, мать честная! Столько времени не на том месте номер искал!.. — посетовал Коробицын.

Но переполненный трамвай поспешно заворачивал на широкий и длинный проспект. Ждать следующего пришлось недолго. Проехав весь проспект, трамвай круто свернул к Исаакиевскому собору, затем вправо к Неве и остановился. Все вышли, вышел и Андрей. Две-три минуты постоял он в раздумье, не вернуться ли на вокзал к товарищам. Однако решил дойти до Невы, посмотреть на реку, на мост, на Васильевский остров хотя

бы и издали. Около моста, закинув руки назад, задумчиво ходил милиционер. Андрей поглядел на мост и от удивления замер: как это могли так вздыбиться две громадины, две половины моста? Как же они сойдутся? Вот, поди-ка, грохнут! И ему захотелось увидеть, как станут сводить — налаживать мост. Но когда это будет делаться — неизвестно. По Неве проходили пароходы с баржами, и мост, видимо, был разведён для прохода судов.

Андрей спустился по каменной лестнице к Неве, умылся, вытер лицо верхом своей фуражки и подошёл к милиционеру. Тот ему вежливо сделал под козырёк.

— Скажи, товарищ милиционер, где тут Васильевский остров?

— Вон он, идти прямо. Через полчаса по мосту движение откроется.

Ждать полчаса не так много. А главное — интересно посмотреть, как сойдутся две огромные мостовины с рельсами, с чугунными перилами и даже с фонарями.

Андрей стоял на берегу Невы, с любопытством озираясь на сплошь каменные дома, на шпиль Петропавловки, на суда у берегов. Припомнил старинную лубочную картину с песней:

Как на матушке, на Неве реке
На Васильевском славном острове,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати тонких парусах...

Картина эта была наклеена на стене в избе сапожника Шадрина рядом с другой, весёлой картиной: «Как мыши кота хоронили».

Загляделся Андрей на огромные дома и не заметил, как мост был сведён. «Фу-ты, чорт, как устроено, будто по маслу спустили», — удивился он. А через минуту по

мосту устремились автомобили, трамваи, пешеходы. За- мешался в толпе и Коробицын.

Обратно Андрей ехал на том же двадцать четвёртом номере и явился на агитпункт без опоздания.

— Ну, как, понравился город? — спросил Андрея сопровождавший призывников командир взвода.

— Да как сказать, город-то очень хорош, да с непривычки, глядя на него, в голове шумит. И народ здесь какой-то, — толком не поговорят, все бегут, все торопятся, никому до тебя дела нет. А в деревне, знаешь, товарищ командир, хоть свой, хоть чужой попал встречу, с кажинным надо поздороваться.

Командир рассмеялся:

— Здесь, товарищ, раскланиваться некогда, да и незачем. В случае, что узнать надо, — ступай к милиционеру, тот не ответит — ищи справочное бюро, там всё знают.

Пришёл сибирский поезд. Прибыли призывники из других уездов, у вокзала построились по-четверо в ряд. С мешками, сундуками, с берестяными кашавками, колонна выглядела пестро, серо и непривлекательно. Одежка у многих будничная, деревенская. Кое-кто был даже в отживших свой век лаптях.

До казармы шли нестройно, сбивались, не научились ещё ребята ходить так, как положено бойцам, по команде, в ногу, с песнями. После санитарной обработки обмундировались, распределились по ротам, по взводам. Парни из северных деревень превратились в красноармейцев пограничной части.

Начались учебные будни.

НА ГРАНИЦЕ

Вскоре после присяги Андрея Коробицына с группой вологодских товарищей отправили из Ленинграда на одну из пограничных застав. Местность вокруг заставы

показалась ему очень похожей на родные куракинские окрестности. Густые хвойные леса, перелески, болотные низины и подсеки. Зима — как и в Куракине, с глубокими снегами, с крепкими морозами. Только туманы на границе между Балтикой и студёной Ладогой бывают и чаще и гуще, нежели в Тотемском уезде.

В свободные от военных занятий и дежурств часы пограничники с интересом слушали рассказы старших товарищей о боевых эпизодах на границе, о вылавливании шпионов и диверсантов, и каждый новичок мечтал о том, как бы самому отличиться на деле.

С пограничных постов в тёмные длинные зимние ночи видно зарево электрических огней, напоминающее о близости Ленинграда. А рядом в лесу, за колючей проволокой, находится враждебное буржуазное государство. Иногда через границу переходят на советскую землю нарушители — шпионы, диверсанты и контрабандисты.

Была зима. Пограничники на заставе изучали военное дело, политграмоту, ходили в дозоры, занимались спортом. Всем видам физкультуры предпочитался здесь лыжный спорт. Лыжи не раз помогали пограничникам в преследовании врага. Неумение же ходить на лыжах подчас подводило в момент острой необходимости.

Красноармеец Боровиков однажды, уйдя на пост без лыж, совершил непоправимый промах. Придя ему на смену, Андрей заметил, что валенки у Боровикова полны снега. Брезентовый непромокаемый плащ лежал на высоком противотанковом пне, торчавшем из-под рыхлого снега. Боровиков был заметно встревожен и подавлен. Из-под шлема-будённовки на покрасневшие горячие щёки струился пот.

— Товарищ Боровиков, с тобой что-то не ладно. В чём дело? — спросил Андрей.

Молодой, ещё неопытный пограничник тяжело вздохнул.

— В самом деле не ладно, товарищ Коробицын. Чрезвычайный проступок у меня сегодня, — и, потупясь, досказал: — Нарушитель пытался перейти границу и ушёл почти перед носом у меня. На лыжах был и как чорт пронёсся!..

— Куда?

— Да туда, к себе, за речку Хойку. Вон с того бугра прыгнул, будто в пропасть. Ну, думаю, загнал я его, сломит голову. А он как махнул на лыжах сверху через кусты, — и след простыл. Видать, лыжник и бандит он бывалый... Ну, что ж, вдогонку на финскую сторону стрелять не будешь. Так и ушёл.

Опечаленный Боровиков отправился на заставу.

Андрей ходил по своему участку, разглядывал лыжные следы нарушителя.

«Ну, можно ли разве вброд по снегу пешим угнаться за лыжником? — думал он. — А ведь действительно прыткий был: и в кустах, и меж деревьев, и с бугра через пропасть — всё ему нипочём. Жаль, не попал к нам в руки...».

Нарушитель, бежавший от Боровикова, вторично в тот день не посмел переходить границу.

С той поры Андрей Коробицын и все новички ещё прилежней и настойчивей стали заниматься лыжным спортом. В одних гимнастёрках, опираясь на бамбуковые лыжные палки, ходили туда, где было больше препятствий, спускались в глубокие овраги, поднимались на взгорья, учились прыгать с трамплина.

Весна в этом году на финской границе пришла гораздо раньше, нежели в прошлые годы. Снег на подсеках и в лесных чащах быстро стаял. Обнажилась сырая суглинистая земля. Овраги и речки переполнились водой. Шумели ручьи, незаметные в летнее время. Стаи перелётных птиц свободно «нарушали» границу. Когда дни стали теплее, густые туманы покрыли погранич-

ную местность. Ещё большие настороженность и напряжённость создались на границе. Советская власть существовала десятый год; правительства капиталистических стран и белые эмигранты стремились засылать в Советский Союз как можно больше шпионов и диверсантов. От пограничников требовались строгая бдительность и постоянная готовность первыми принять на себя и отразить удар, если враг попытается напасть. Бойцы-пограничники — вологодские, архангельские, калужские, сибиряки, украинцы, бойцы из различных областей и республик многонациональной советской державы, коммунисты, комсомольцы и беспартийные — всегда были готовы дать отпор любому врагу.

Страна Советов шла по ленинско-сталинскому пути. Пользуясь мирной передышкой, советский народ строил социализм и крепил свою мощь.

Андрей Коробицын скоро не только привык к военной службе, но и полюбил её. Редко переписывался он с родными. Каждый раз, собираясь писать родным, говорил товарищам:

— Смотрю я на некоторых из вас и не надивлюсь: пишете и пишете, кто домой отцу-матери, кто жёнке, кто тётке, откуда это у вас и слова для писем берутся?..

Читать он больше всего любил газеты. Чуть выберется свободное время, уже сидит в Ленинском уголке и прочитывает газету от заголовка до подписи редактора.

Однажды Боровиков спросил:

— Зачем ты, Коробицын, читаешь всё подряд?

— А как же иначе? Боюсь, как бы самое главное мимо глаз не прошло.

Политрук однажды после политбеседы с пограничниками тоже спросил, что больше всего интересуется его в газетах.

— Конечно, надо читать про Чемберлена, надо знать

и о Китае. А самое серьёзное в газетах, — это как товарищ Сталин троцкистско-зиновьевскую оппозицию громит. Тут мне бывает не всё понятно, но одно ясно, что правда — на стороне Сталина, — убеждённо говорил Андрей.

Обычно, после чтения газет, Андрей подходил к висевшей на стене карте и разыскивал города и страны, про которые только что вычитал.

На занятиях он всегда был из самых прилежных. Зато, если вздумает написать домой, так и пишется письмо с полмесяца, а то и больше. Возьмёт бумагу, карандаш, вздохнёт всей грудью и скажет:

— Ну, кажись, легче мне две полосы вспахать, нежели одно письмо написать...

В начале письма из-под его неподатливого пера шли поклоны родным, товарищам, затем близким соседям, а потом письмо откладывалось в тумбочку на несколько дней.

На участке заставы Андрей внимательно прислушивался к малейшему шороху; из-за прикрытия наблюдал, что происходит по соседству за чертой границы. Вернувшись на заставу, крепко закусывал, отдыхал, а после отдыха скупно и неторопливо продолжал начатое письмо:

«... Дорогая мама Степанида Семёновна и брат Александр. Сегодня я опять стерёг нашу границу и видел своими глазами, как на финской стороне финский мужик не то жену, не то работницу чем-то лупил по спине. Бедная плакала и кричала что есть силы. А я глядел из-за кустов, так и хотелось крикнуть: — Перестань, сволочь! — да пришлось смолчать, потому как не на это надо было глядеть, а смотреть в оба и туда и сюда во все стороны...».

Андрей на этом остановился: решил сначала посоветоваться с политруком, а потом уже продолжать.

И опять отправилось письмо на неопределённое время в тумбочку.

А то, что Андрей хотел рассказать в письме, в действительности обстояло так: когда финн избивал у самой границы женщину, чтобы отвлечь внимание пограничника, неподалёку, на охраняемом участке, между густыми деревьями, сквозь сплошные заросли ивняка пробиралась к самой нашей границе старушка-проводница, за ней же следом крался шпион. Она должна была предупредить шпиона, как только обнаружит впереди себя пограничный пост. Андрей понял уловку. Озираясь, он тихо стал пробираться по узкой тропе. И вдруг, перед ним в кустах испуганно охнула старушка. В руках у неё прозвенел маленький колокольчик на кожаном ремешке. Старушка стояла по ту сторону границы, шагах в десяти от Андрея. Минуту она смущённо глядела на Коробицына, снова потрянула колокольчик и заговорила на ломаном русском языке:

— Миленький солтатик, корофка тут моя, корофка заблутилась. Поймат, колокольчик привязат надо...

Андрей смолчал. Держа наготове винтовку, озираясь по сторонам, прошёл дальше, досадуя, что себя обнаружил. Надо было бы пройти здесь незамеченным, и тогда наверняка за этой старухой оказался бы следом бредущий нарушитель. Сейчас он уже не рискнёт переходить границу. Сменяясь с поста, Андрей о происшедшем сообщил пограничнику Тютикову и доложил на заставе начальнику...

В письме к матери и брату он счёл нужным об этом не распространяться.

Был ещё такой случай: крестьянин, проживавший в пограничной деревне, рубил лес для своей хозяйственной надобности. Заблудившись в лесу, финский нарушитель вышел на стук топора, поглядел со стороны на лесоруба; видит — мужичок простоватый, невзрачный,

какого легко припугнуть и заставить показать дорогу на Ленинград. Подкравшись к крестьянину, нарушитель неожиданно и строго спросил:

— Ты кто такой? Кто тебе разрешил здесь портить казённый лес? — Он хотел выдать себя за представителя власти.

Крестьянин отшатнулся от дерева, сначала удивлённо, потом с подозрением стал разглядывать пришельца и по одному устарелому слову «казённый» понял, что перед ним чуждый человек. Тот же, подойдя ближе, сказал:

— Да ты не бойся, я тебя не выдам.

— А кого мне бояться? — изумился крестьянин. — Я не помещичий лес рублю, я свой лес рублю.

— Ах, вот как! — вскипел нарушитель и сунул руку в карман за револьвером. Но, подумав немного, изменил тон и стал уговаривать крестьянина за двадцать рублей указать ему дорогу к железнодорожной станции Васкелово. Крестьянин охотно согласился и даже с видимым удовольствием принял подачку. Умышленно плутая по лесным тропинкам, он доставил нарушителя на пост, где как раз стоял Андрей Коробицын. Взяв наизготовку ружьё, пограничник приказал нарушителю лечь ничком на землю и условным свистом вызвал патруль.

На заставе крестьянин, выложив на стол деньги, сказал начальнику:

— Это его деньги. Я взял их, чтобы не навлечь подозрения нарушителя. Он уж не первый попал на меня и, вероятно, не последний. Только они напрасно думают, что интересы родины для русского человека дешевле какой-то взятки!..

Крестьянин засвидетельствовал своё показание в протоколе и был отпущен. На прощанье начальник заставы поблагодарил его, Андрею же сказал:

— Ну, товарищ Коробицын, сегодня тебе подвезло.

— Какое там подвезло. Не я, ведь, а лесоруб его задержал.

— Кто бы ни задержал, а происшествие было на твоём участке. Субъект оказался достойным внимания.

Придя в казарму, Андрей снова достал своё письмо из тумбочки и, заканчивая его, добавил:

«... Дорогая мама Степанида Семёновна и братец Александр, ещё спешу уведомить вас, что около границы в деревнях народ наш очень сознательный; чуть заметят нарушителя, сразу прибегут на заставу, а иногда и приводят нарушителей сами. Мы, когда бываем свободны, ходим гулять в деревни, что поблизости, и куда приходим — везде нам рады, ну и мы себя ведём хорошо, культурно...».

Знал Андрей, что письмо, пришедшее из Красной Армии в деревню, будет много раз читано и обсуждаемо. Придут соседи, соседки, станут расспрашивать Степаниду Семёновну, что пишет сынок, а та пороеется в плетёной корешковой корзинке, достанет помятое письмо, подаст кому-либо из куракинских грамотеев и попросит прочесть уже который раз.

7. С ВЫШКИ „ИСАКИЯ“

С Ладожского бурного озера дул сильный ветер с дождём. В хвойном лесу на участках пограничной заставы шумели вершинами сосны и ели. Проливной дождь прсбивался сквозь ветви деревьев, заслонявшие собой небо. Пропитанная дождём земля чавкала под ногами. Сырость просачивалась всюду. Нелегко в такую пору пограничникам нести свою ответственную службу. Обстановка же требовала, чтобы граница была на крепком, надёжном замке.

Однажды в день отдыха комендант участка разрешил небольшой группе пограничников съездить на экс-

курсию в город. Возглавляемые политруком бойцы отправились в Ленинград. В открытые окна переполненного вагона вливался свежий воздух. Пригородный поезд пересекал пограничную зону. Андрей Коробицын, стоя у окна вагона, с любопытством разглядывал дачные посёлки, совхозные поля и торфоразработки. Неподаляку виднелись дымящие трубы заводов.

«Как близко Ленинград от границы, пожалуй, ближе, чем наше Куракино от Сямжи», — подумал Андрей и подсел к политруку, развернувшему свежую газету.

— Товарищи, какая неприятная весть! — с тревогой объявил политрук.

Пограничники окружили его. Он вслух зачитал сообщение о террористических действиях обнаглевших классовых врагов, с бомбами пробравшихся в Ленинградский Деловой клуб во время партийного совещания.

— Вот гады! И где только, на какой заставе эти негодяи сумели усыпить бдительность наших ребят?! — возмущался политрук.

Разговор о бомбах, брошенных в Деловом клубе, быстро распространился по всему поезду. Пограничники ещё глубже осознали, насколько серьёзны и ответственны перед Родиной их задачи.

Андрей Коробицын, молчаливый и задумчивый, вполголоса обратился к политруку:

— Товарищ политрук, я вырос в глухих вологодских лесах, я там привык в любую погоду, в любое время дня и ночи вслушиваться и различать шорох зверя. А нарушитель опаснее всякого зверя, и шаги его осторожней. Прошу вас, доложите начальнику заставы, чтобы с завтрашнего дня он посылал меня только на такие посты, где всего скорее можно ожидать врага. Поверьте, я не подкачаю...

Политрук, одобрительно взглянув на Андрея, молча крепко пожал ему руку.

Поезд подошёл к Финляндскому вокзалу. Пограничники вышли на перрон и по-двое построились в шеренгу. Политрук быстро произвёл проверку, экскурсанты вышли на вокзальную площадь. Около памятника Владимиру Ильичу их ожидала грузовая машина. Через несколько минут они подъехали к Исаакиевскому собору и по крутым лестницам поднялись вслед за политруком на верх высящегося над городом храма.

Пятьсот тридцать четыре ступени от подножия здания до купола. Отсюда с восхищением рассматривали пограничники город Ленина. Политрук хорошо знал Ленинград, все его достопримечательности. Обступив политрука, пограничники внимательно слушали его пояснения:

— Вот посмотрите вокруг, товарищи-пограничники, и вы увидите, какой прекрасный город. И все эти заводы, фабрики, жилища, музеи-дворцы доверены под охрану нам. Мы, пограничники, главные сторожа этого славного города, на который у наших врагов всегда чешутся злодейские руки. И, придёт время, мы сумеем ударить очень крепко по этим вражьи́м рукам. Враги ещё не напали на нас; пока мы строим социализм в сравнительно мирной обстановке, но подлые шпионы, диверсанты крадутся к нам из-за кордона и стараются из-за угла наносить нам удары в спину. Случай, опубликованный сегодня в газетах, должен ещё больше заострить нашу бдительность, повысить ответственность каждого из нас...

Помолчав, политрук продолжал:

— Да, товарищи, всё, что завоёвано, всё, что добыто в борьбе с буржуазией, мы никогда и никому не отдадим... Вот посмотрите сюда, — указал он на Петропавловку: — эта крепость построена руками наших предков и стоит на их же собственных костях. Десятки тысяч людей на её строительстве погибли от цынги, голо-

да и холода. Самодержавие не жалело трудящихся, оно не считало их за людей. Но всё это, весь город построен народом и с семнадцатого года принадлежит ему. А вот здесь перед площадью, где стоит Александровская колонна, вы видите здание малинового цвета: это Зимний дворец — бывшее местопребывание царей Романовых. Под окнами этих царских хором, вмещающих в себе свыше тысячи комнат, в январе 1905 года царские войска расстреляли несколько сот безоружных питерских рабочих... А там вдали, за зеленью садов, виднеется штаб ленинской большевистской гвардии — Смольный, откуда Ленин, Сталин, Свердлов, Дзержинский руководили восстанием в октябрьские дни 1917 года. История Ленинграда — история нашей Великой Октябрьской революции...

Полчаса пограничники пробыли на вышке Исаакиевского собора, осматривая с высоты город и слушая речь политрука.

Когда спускались обратно, Андрей с одним из товарищей немного поотстал.

— Да, город замечательный, — как бы заключая беседу политрука, проговорил Коробицын. — Как-то ночью, охраняя свой участок, я влез на дерево и видел зарево над Ленинградом; тогда я думал об этом большом городе и о себе — маленьком человеке, стоящем на незаметном, но ответственном посту. Меня, деревенского парня, место пограничника — бойца за Советскую родину всегда радует.

— Не думаешь ли остаться на сверхсрочной в войсках ОГПУ? — спросил Андрея товарищ.

— Думаю и об этом. Вот побольше бы повыловить гадов-нарушителей, да в пограничную школу бы попасть...

Он не договорил. Навстречу им по узкой железной лестнице поднимались новые экскурсанты, а топот спу-

скавшихся вниз пограничников доносился словно из под-земелья.

В тот же день пограничники успели бегло осмотреть Эрмитаж и Музей Революции. Глубокое впечатление произвела экскурсия, было о чём рассказать на заставе товарищам и написать домой родным.

Ночью Андрей долго не мог заснуть. Повернувшись к окну, он вглядывался в глубокий ночной мрак. За мелколесьем и речкой, в одном километре от их казармы, мерцали огоньки на финской стороне. Ночь таила в себе всякие неожиданности. И в эту ночь, как всегда, наши дозорные на своих постах, на лесных тропинках, в оврагах, на взгорьях и берегах пограничных рек, и на море и на суше, всюду на огромном протяжении границ стерегли покой Советской страны.

8. ЗА РОДИНУ

Это произошло 15 октября 1927 года.

На рассвете Андрей Коробицын должен был принять пост охраны участка границы. Перед тем как идти на участок, Андрей спросил начальника заставы:

— Товарищ комендант, а что, в самом деле в эти дни ожидаются на нашем участке нарушители?..

Знает Андрей начальника, как чуткого товарища, честного и прямого, и не сомневается в том, о чём вчера два часа беседовал он с пограничниками... Но всё же Андрей снова его спросил.

— Да, товарищ Коробицын, — строго и решительно сказал начальник заставы. — В эти дни мы особенно должны быть бдительны. Судите сами: скоро в Ленинграде и по всей нашей Советской стране будут происходить юбилейные торжества, посвящённые десятилетию Октябрьской революции. В Ленинграде созывается юбилейная сессия ЦИКа СССР. Съедутся со всех краёв и

республик передовые люди. А ведь отъявленные враги—шпионы и диверсанты—ждут удобного случая и, конечно, попытаются в эти дни омрачить нашу светлую жизнь...

Разговор происходил у заставы. Начальник спешил на проверку постов. Он быстро вскочил верхом на бойкую лошадь и, пришпорив её, помчался. Андрей посмотрел ему вслед;

— Не беспокойтесь, товарищ начальник, ни одной гадине не позволим безнаказанно переползти через нашу границу...

Он зарядил винтовку и, закинув её за плечо, прошёл около здания заставы.

Застава занимала дом бывшей графской усадьбы. За высоким тыном падали с яблоней пожелтелые листья. Лёгкий ветерок с присвистом шумел в вершинах лиственниц. С финляндской границы, с хуторов из-за речки Хойки слышалась утренняя перекличка петухов. И ещё было слышно, как в пристройках заставы кони, глухо похрустывая, жевали сухое сено. Дневальный, проходя мимо Андрея, посмотрел на карманные часы, тихо спросил:

— Что ж ты не идёшь на пост? Сорок пять минут осталось.

— Успею, как положено, к сроку. — Помолчав, Коробицын спросил: — Ты слышал, что говорил начальник заставы?

— Слышал, — ответил дневальный почти шёпотом. Он медленно удалился от Коробицына и может в сотый раз обошёл помещения заставы с её пристройками — кухней, конюшней и собачниками.

С неразлучным карабином вышел из помещения командир отделения.

— Ага, ты здесь? — сказал он Коробицыну. — Пора идти. Исходный и конечный пункты тебе известны?

— Известны, — ответил Андрей и, повторив поставленную перед ним задачу, сказал: — не первый раз иду на этот участок.

Не успело ещё солнце подняться на уровень вершин частых гладкоствольных сосен, но лес понемногу оживал: щебетали птицы, парами и стаями летали над Хойкой утки. Дятел собирал еловые шишки и старательно закрывал ими пробитые клювом отверстия на чахлам сухостое. Андрей быстро шёл по узким, чуть заметным извилистым тропинкам и, прислушиваясь к каждому шороху, думал: «Какой хороший здесь лес; говорят, что графу принадлежал. А граф этот, говорят, испугался революции и удрал за границу. И кто знает, может быть он теперь шпионов к нам забрасывает. Шалишь, граф, не поможет гадюкам даже этот густой лес. Мы тоже в лесу выросли и знаем, о чём шепчут деревья, когда между ними крадется заклятый враг. Мухи не пропустим!..».

На участке он сменил товарища. По протоптанной тропинке надо было во время дежурства ходить из конца в конец, прислушиваться, наблюдать и, в случае нарушения границы, действовать по своему усмотрению, проявляя находчивость, смелость, решительность.

Андрей шёл, мягко ступая по прелым траве и листьям. В просвете из-за кустов, окаймлявших опушку леса, виднелась широкая подсека с обгорелыми пнями. Впереди будет ещё поляна, пересечённая узкой речкой Хойкой.

Андрей Коробицын вспомнил, как с помощью крестьянина не так давно на этом месте был задержан нарушитель. Шёл он обросший чёрной бородой, невымытый, в домотканых портках, в старых сапогах, обутом на босу ногу, и уздечка при нём, вроде бы он искал своего коня. С виду самый обыкновенный мужичонка. Не было при нём обнаружено ни карты, ни явочных адресов, ни-

чего, что бы уличало его как нарушителя. Но выдали его ногти: один из оперативных работников по ногтям узнал, что это за птица. Не могли же чуть заметные следы полировки остаться на заскорузлых ногтях финского землероба? Установили: это был матёрый шпион, он и языки знал, обладал развитой памятью, находчивостью и лгать умел убедительно и логично.

Думы набегали одна на другую. И от этих дум о нарушителях у Андрея сосредоточеннее становился взор, внимательнее слух. Так с думами о нарушителях, об ответственности пограничника прошагал он по своему участку в одну сторону и тем же путём возвращался обратно.

А в это время, в кустах по ту сторону речки Хойки, в нескольких метрах от нашей границы, притаились четыре шпиона-диверсанта, вооружённые иностранной разведкой. У каждого маузеры и много патронов.

Шпионы заметили советского часового. Это был Андрей Коробицын.

— Не подобраться ли ближе: прыжок сзади, и быть может удастся его бесшумно задушить? — высказывали бандиты свои соображения главарю шпионской банды.

Сурово сдвинув густые бесцветные брови, вожак посмотрел на своих сообщников, как на безрассудных, и прошипел сквозь зубы:

— Идиоты! Можете не обижаться. Что за смысл задерживаться на рядовом советском солдате, когда наша цель гораздо серьёзней! В Питер на большевистский праздник, на собрание ЦИКа — вот куда надо попасть. А не задевать первого встречного пограничника. Пусть себе бродит, а мы выберем момент и проскользнём через границу. Дальше пути-дороги нам известны, и мы знаем, где найти надёжное укрытие.

Главарь шпионской шайки порывлся в карманах широких штанов, но вместо часов по ошибке достал ком-

пас. Серdito сунув его обратно, он вынул из другого кармана часы, положил их перед собой на лужайку. Стрелка показывала семь. В это время сквозь ветви кустарника бандиты опять заметили на советской стороне того же красноармейца-пограничника в серой шинели и зелёной фуражке. Чёрный воронёный штык поблёскивал чуть повыше его головы.

Медленно и осторожно шёл Коробицын по дозорной тропе вдоль границы. Вот он заметил вспорхнувшую птичку, остановился и проследил, откуда она вылетела, не испугнул ли её кто? Успокоившись, он направился дальше — с бугорка спустился вниз на поляну, миновал полуразрушенный сарайчик и опять свернул в лес, в ту сторону, откуда из самой чащи на сенокосную поляну ползёт под нависшими кустами оголённого ивняка речка Хойка.

Главарь шайки следил за движением советского пограничника и одновременно — за минутной стрелкой своих часов. Он высчитал в точности по часам и по размеренному шагу пограничника, какое расстояние от исходного до конечного пункта занимает охраняемый им участок, и сколько времени остаётся здесь граница «открытой». В момент, когда Андрей по тропе возвратится на правый фланг мимо сарайчика и снова поднимется на бугорок, чтобы идти дальше, главарь шпионской банды решил быстро и незаметно проскочить через границу.

На брюхе выползли диверсанты из кустов. Затем осторожно, без шума, перешли вброд Хойку, все четверо бросились к пустому, наполовину сгнившему сарайчику и притаились за его углами.

Андрей Коробицын на минуту остановился на бугорке среди мелкого кустарника. Вдруг ему послышался слабый всплеск воды. Он настороженно прислушался. Стояла полная тишина. Не послышалось ли ему? Тихо,

будто украдкой, еле переводя дыхание, Андрей продолжал свой путь.

«Но вдруг да проследил враг за мной и сунулся через пограничную речку не раньше, не позже, а вот сию минуту?» Эта мысль заставила его сразу же вернуться — проверить себя. Не беда пройти напрасно шагов полтора-два, зато будет спокойней, зато уверенней можно идти дальше по охраняемому участку. И Андрей повернул вспять к поляне, к сарайчику. Стараясь не задевать кустов и не вызывать ни малейшего шороха, он пробирался по тропинке, чутко прислушиваясь, но не слышал ничего, кроме отчётливого биения своего сердца. Вот перед ним развернулась поляна: за речкой, по ту сторону границы на скошенной траве стоял неогороженный стог сена. Под влиянием сырой погоды он давно прибочился, посерел, казался невзрачным и, как всегда, подозрительным — не служит ли он убежищем-маскировкой для нарушителей? Дальше за поляной — опушка густого финского леса, загадочного, хранящего в себе тайны контрабанды и шпионажа. По эту сторону речки, на советской границе, было тихо. «Значит всё в порядке», — подумал было Андрей, приближаясь к сарайчику, но вдруг увидел одного, за ним второго и третьего нарушителей; четвёртый ещё не был пока замечен. Сердце пограничника забилося чаще, сильнее. Он вспомнил, что никого из бойцов поблизости нет, что граница лишь в нескольких шагах, и задержать нарушителей в таком месте нелегко. Щёлкнув затвором, Андрей отчётливо и повелительно произнёс:

— Стой!

Прямо на рослого, плечистого вожака банды он направил ствол винтовки. Нарушители, стоявшие вразброд, разом выхватили свои маузеры. Черные дула почти в упор были направлены на бесстрашного советского пограничника.

— Сдавайся, нето убьём! — чуть слышно прошипел
вожак шпионской банды и выступил вперёд.

— Стойте! — резко повторил Коробицын.

Раздались выстрелы. Андрей почувствовал укол в ногу. Он упал на одно колено и, взяв на мушку главаря банды, выстрелил раз и другой. Тот грузно свалился на землю и завыл. Остальные бросились за углы сарайчика и открыли частую, беспорядочную стельбу из револьверов. Андрей отстреливался. Он почувствовал ещё два ожога и свалился в траву.

Шпионы, полагая, что пограничник убит, выглянули из-за углов сарая. Но Коробицын не выпустил из рук винтовки, лёжа зарядил её и продолжал стрельбу. Ползком, опираясь на локти, Андрей подался немного вперёд, чтобы удобней было целиться.

«Всё равно не пройдёте, вот-вот подоспеют товарищи», — мелькнуло в его сознании. И, крепче прижав приклад к плечу, он нацелился и сразил второго нарушителя.

Но в глазах у него поплыли сплошные кровавые круги. Одна пуля прошла вдоль его тела. И хотя пограничник лежал тяжело раненный, и его винтовка замолкла, — шпионам нельзя было и думать о продвижении за советскую границу. Им грозила опасность попасть в руки советской разведки. Шпионы поняли: план сорван, на сессию ЦИКа СССР не пробраться. Пусть в фашистской охране наплюют им в глаза, но кроме бегства обратно — выхода нет.

Шпионы подняли подстреленного вожака и, робко озираясь, отступили...

... Когда в глухом лесу, на линии границы, произошла беспорядочная, частая стрельба, многие из пограничников, находившихся на своих постах, не подумали о том, что нарушители границы открыли такой яростный огонь против одного нашего бойца. По опыту своей

службы пограничники знали: бывало, укрывшись от зоркого взгляда советского часового, финны устраивали где-либо стрельбу с целью отвлечь внимание пограничной охраны. Тогда, пользуясь замешательством на одном участке, шпионы стремились проскочить в другом месте, где охрана границы оказывалась ослабленной.

Начальник заставы, внешне скрывая своё беспокойство, подозревал недоброе. Из расплывшихся облаков показалось над лесом солнце. Лёгкий ветерок пробегал по вершинам деревьев. Метались напуганные выстрелами птицы, не осмеливаясь садиться на деревья.

— Неладно что-то! — проговорил начальник. — Медлить нельзя.

Через несколько минут, с двух сторон, группа пограничников развёрнутым строем «прочёсывала» участок леса. Собаку Лоту вёл на поводке начальник заставы. Когда стали подходить к месту перестрелки, Лота туго натянула поводок и повела начальника за собой.

Тяжело раненный Андрей Коробицын был найден в бесчувственном состоянии. На полах шинели, на гимнастёрке и голенищах сапог алела горячая кровь. Кто-то взял Андрея за руку, проверил пульс. Один из пограничников быстро раскрыл санитарную сумку. Андрея перевернули на спину, наскоро перевязали раны, осторожно понесли его к заставе.

Боровиков и Тютиков с нескрываемой болью смотрели на бледное лицо своего раненого земляка, украдкой смахивая слёзы.

— Да, он потерял много крови, — озабоченно сказал начальник заставы и тут же послал одного пограничника, чтобы немедленно по телефону вызвать на заставу врача.

— Осторожно, товарищи, несите, осторожно, — предупреждал пограничников начальник заставы там, где приходилось переходить буерак или поворачивать в

узком проходе лесной тропинки. Но красноармейцы и без того старались бережно нести Андрея. Он лежал с полужакрытыми глазами и тяжело дышал. Попросил закурить. К его запёкшимся губам поднесли папиросу.

— Одного-то я сразил, про остальных не помню, — начал напряжённо вспоминать Андрей. — Стреляли близко и много.

— Хорошо, товарищ Коробицын, хорошо, поправитесь, потом расскажете. Сейчас держите себя спокойно, не волнуйтесь, — успокаивал его начальник заставы. Но Андрей не унимался:

— Скажите, их не поймали? Не прошли к нам те, которые уцелели?.. Предлагали мне сдаться...

Начальник заставы немного приотстал и, прислонившись к дереву, подождал догонявших его людей.

— Ну, что выяснили? — нетерпеливо спросил он своего помощника.

— Собрали около сарайчика пятьдесят шесть гильз, и вот всё такие.

— От револьвера системы «Маузер», — быстро определил начальник и, как знаток огнестрельного оружия, добавил: — такие револьверы состоят на вооружении офицеров английской армии...

В тот же день Андрея Коробицына провожали с заставы в ленинградский госпиталь. В вагоне пригородного поезда слегка трясло. Пограничники, сопровождавшие раненого товарища, заботливо ухаживали за ним, стараясь не коснуться, не потревожить его опасных ран. Мужество и выдержка не покидали Андрея. Он ни разу не простонал и просил товарищей об одном: поменьше о нём беспокоиться.

Молодая женщина-врач Виноградова находилась при нём безотлучно. Начальник заставы долго сидел у изголовья, не сводя глаз с Андрея.

— Ждите, товарищ начальник, я крепкий, я выздо-

ровлю и снова буду на заставе... — слабым голосом говорил Коробицын, угадывая мысли своего командира.

— Непременно выздоровеете...

Врач Виноградова молча проверила пульс.

— Ну, как? — спросил её Андрей.

— Будем надеяться, товарищ Коробицын...

Голос Виноградовой звучал нежно и ласково, но неуверенно. Она погладила его бледный лоб и поправила ворот гимнастёрки.

За окнами вагона мелькали окраины Ленинграда. Поезд замедлил ход...

— Умру я или останусь жив, — заговорил Андрей, глядя в глаза Виноградовой, — об одном прошу вас, товарищ врач: достаньте из моих ран шпионские пули, не хочу я с их пулями даже в землю идти... Да ещё матери моей Степаниде в случае чего напишите, что сын её умер не напрасно...

Трое суток пробыл Андрей в госпитале. Врачи боролись с наступавшей смертью, но слишком тяжелы оказались раны.

Смерть прервала жизнь героя-пограничника. Но память о нём жива и будет жить долгие-долгие годы. На дальней заставе, которой присвоено имя Андрея Коробицына, каждый день во время переключки бойцов называют фамилию нашего отважного земляка. И каждый раз правофланговый отчётливо отвечает:

— Пал смертью храбрых, защищая границу Советской Родины!..

22.09.16 бонус, куб
16.02.2018 045

23032019 Бонус

18.03.2021 1154 (Тотал)

28.02.2021 04527

10.01.24 077

02

2 руб.

20 коп